

станции Кивийлы, при сланцеперегонном заводе, арестовали всех: отца отравили в дальний концлагерь, мать с детьми — в Сибирь, на болота вокруг реки Васюган — много севернее Томска. Через год подросток Дима остался один — мать и сестренка в один день умерли от голода.

Крестьянам-спецпоселенцам, среди которых прошла значительная часть жизни Макшеева, он посвятил документальное исследование «Спеццы». Семья его жены — тоже спецпоселенцы, как и большая часть его окружения — от погодков до старших. Верный памяти всех, кто успел поделиться с ним последним куском, автор помнит о них постоянно. Печаль о сотнях тысяч невинно загубленных жизней присутствует в большинстве текстов автора.

Макшеев прожил большую жизнь, которую можно считать типичной — и вместе с тем исключительной. Применительно к такой жизни не годятся слова «превратности судьбы», поскольку судьба Макшеева во многом складывалась из превратностей и непрестанных усилий по их преодолению. «Превратности» начинаются с происхождения, продолжают судьбой родителей-белоэмигрантов, затем — жизнью спецпоселенцев, обреченных на вымирание в сибирских болотах, так что место ученика счетовода оказалось для мальчика Димы спасительным в прямом смысле слова.

Первый том озаглавлен «И мы поедим домой, в Россию...». Это мемуары, описывающие жизнь автора в Эстонии и первые 20 лет его жизни в Сибири, на севере Томской области. В третьем томе публикуются мемуарные записки «Время. Дороги. Книги...», где автор рассказывает преимущественно о своем профессиональном становлении как человека пишущего — вначале корреспондента, позже — штатного сотрудника местных газет разного масштаба, потом — профессионального писателя. Там же рассказана история Томского края эпохи Егора Лигачева и опубликовано упомянутое выше исследование «Спеццы».

Нет, не случайно в юности Макшеев выписал для себя известные слова Горького: «Всем хорошим во мне я обязан книгам...» Полуживой от голода и холода подросток, по существу, случайно находит в колхозной конторе шкаф с книгами и, следуя невыветрив-

шейся, детской еще привычке, читает, читает... И, разумеется, *случайно* в изгнание семья берет с собой всего три книги. Зато среди них — *закономерно* — оказывается Библия и, не менее закономерно, хотя исходя из других резонов — «Занимательная математика» Перельмана и «Наполеон» Тарле. Две последние книги читали едва ли не все страстные читатели предвоенной эпохи, но Библия хранилась в очень немногих семьях.

По воспоминаниям Макшеева можно изучать трагическую историю не только ликвидации российского крестьянства, но и сам процесс уничтожения всего того уклада, благодаря которому вознаграждалось трудолюбие и умение крестьян приноровиться к специфике труда в районах рискованного земледелия.

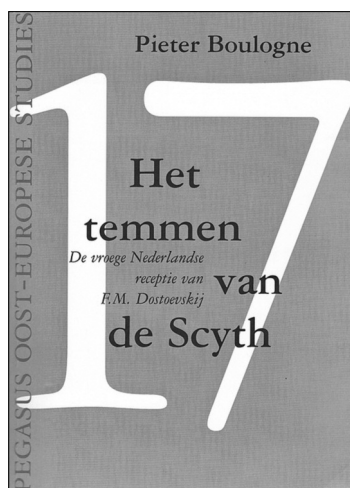
Во второй том трехтомника вошла собственно беллетристика автора — повести и рассказы 1970—1980-х гг. Среди них я бы выделила «Кому рассказать...» — лаконичное повествование с печальными, какими-то чеховскими интонациями. Талант автора здесь — как, впрочем, и в мемуарных текстах — проявляется в редком чувстве *меры*. Автор любит и жалеет своих героев, оплакивает родных и земляков, поражается бессмысленности указаний «сверху», но никогда не опускается до ненависти. А ведь мог бы...

Ревекка Фрумкина

Boulogne P. *HET TEMMEN VAN DE SCYTH: DE VROEGE NEDERLANDSE RECEPTIE VAN F.M. DOSTOEVSKIJ.* — Amsterdam: Pegasus, 2011. — 770 p. — (Pegasus Oost-Europese Studies. Vol. 17).

Книга фламандского филолога-слависта Питера Булоня «Укрощение скифа. Раннее восприятие Ф.М. Достоевского в Нидерландах и Фландрии» вышла в известном нидерландском издательстве «Пегасус» в серии «Восточноевропейские исследования «Пегасуса»». Работа выполнена на стыке таких наук, как литературоведение, переводоведение, имагология и теория культурного трансфера, и дает широкую и многогранную панораму восприятия произведений Достоевского в Нидерландах и Фландрии на рубеже XIX—

XX вв. Творчески используя полисистемную теорию израильского переводоведа Итамара Эвен-Зохара, автор освещает множество факторов, в период с 1881 по 1913 г. определявших популярность великого русского писателя в Европе: чисто литературные (эстетические), этические, религиозные, социальные, политические, идеологические, экономические, личностные и т.п.

К теме восприятия Достоевского в Нидерландах и Фландрии обращались уже немало нидерландскоязычных авторов, таких как Ян Ромейн, Йелле Кингма, Вальтер Гобберс, Кейс Виллемсен, Райнер Грюбел, Вим Куденис. П. Булонь отталкивается от существующих исследований и дополняет их, в первую очередь за счет новой методики исследования, но также за счет расширения круга исследуемых текстов: ему удалось найти и ввести в научный оборот три перевода, которые предыдущие авторы, писавшие на ту же тему, считали утраченными. Один из них он нашел в библиотеке в Финляндии, другой — в личной библиотеке знатока русской литературы К. Виллемсена, третий — в Неймегеномском университете. Всего П. Булонь собрал 14 нидерландских изданий Достоевского, вышедших с 1885 по 1913 г., в том числе три издания двух разных переводов «Преступления и наказания» (Гаага, 1885; Амстердам, 1895 и 1904), по два издания в разных переводах «Униженных и оскорбленных» (Амстердам, 1886 и 1891) и «Записок

из Мертвого дома» (Амстердам, 1891 и 1906), два издания одного перевода «Бедных людей» (Амстердам, 1887 и 1906). Нидерландские версии Достоевского нередко носят совсем другие названия, чем соответствующие русские оригиналы: переводы «Униженных и оскорбленных» называются «Введенный в заблуждение» (1886) и «Бедная Нелли» (1891), издание «Записок из Мертвого дома» 1891 г. носит название «Из Сибири», а книга 1888 г. «Подземный дух. Русский роман» представляет собой соединение «Хозяйки» и «Записок из подполья».

Автор поставил перед собой задачу проанализировать все нидерландские переводы произведений Достоевского, вышедшие до начала Первой мировой войны, чтобы понять, в чем секрет особого интереса к русскому романисту в ту пору в Нидерландах, какие аспекты его творчества произвели наибольшее впечатление на нидерландскую читающую публику. Сопоставив нидерландские переводы с исходными русскими текстами, П. Булонь обнаружил весьма значительные расхождения. Стало ясно, что почти все нидерландские переводы делались через языки-посредники. Стремление выявить генеалогию ранних нидерландских версий Достоевского заставило автора углубиться в историю переводов Достоевского на немецкий и французский языки — и, шире, в обстоятельство проникновения переводных текстов Достоевского в системы немецкой и французской литературы и быстрого передвижения их из периферии этих систем к центру.

Вопрос о рецепции Достоевского в европейской литературе на рубеже XIX—XX вв. не раз рассматривался как в зарубежном (Т. Кампманн, В.Ф.Й. Хеммингс, Р. Май), так и в российском литературоведении. П. Булонь продолжает и расширяет эти исследования, заостря внимание на тех аспектах, которые повлияли на восприятие Достоевского в нидерландскоязычной литературе как части общеевропейской литературной системы. Он проанализировал весь корпус нидерландских, немецких и французских переводов, выполненных в обозначенный период, в соответствии с принципами дескриптивного переводоведения, сформулированными, в первую очередь, Гидеоном Тури. При этом вы-

яснилось, что подавляющее большинство пропусков, замен и добавлений, имеющихся в нидерландских версиях Достоевского, были автоматически перенесены нидерландскими переводчиками, не знавшими русского языка, из переводов-посредников. П. Булонь убедительно доказывает, что из тринадцати переводов десять были сделаны с немецкого, два с французского и лишь один — перевод повести «Белые ночи» — прямо с русского.

Рассмотрев изменения, внесенные при переводе в текст Достоевского, и сопоставив их с программными высказываниями о Достоевском самих переводчиков и литературных критиков указанного периода, П. Булонь обнаруживает, что эти изменения носят системный характер и преследуют одну цель: адаптировать русского писателя к ожиданиям западноевропейских читателей, упростить чтение, сделать его более занимательным. Отсюда — название книги П. Булоня, основанное на игре с цитатой о Достоевском из знаменитой книги Эжена Мельхиора де Воюэ «Русский роман» (1886): «Вот грядет скиф, истинный скиф, который перевернет все наши интеллектуальные привычки». Историю ранних переводов Достоевского в Западной Европе автор видит как обуздание, приручение русского гения. При этом требованием точности перевода (в переводческой терминологии — адекватности) просто не существовало.

Самый поразительный пример вольного обращения с текстом представляет собой история возникновения первой нидерландской версии «Братьев Карамазовых» (Амстердам, 1913; издания: 1915, 1917, 1920), созданной маститой нидерландской писательницей Анной Ван Гог-Каульбах (1869—1927), чей роман «Город солнца» был переведен на русский (М., 1961). Она взяла за основу два французских перевода: в первую очередь сильно сокращенный перевод 1906 г. Ж.-В. Бьенстока и Ш. Торкэ (совпадение текстов на 85%), а также более ранний, значительно адаптированный перевод Э. Гальперина-Каминского и Ш. Мориса (совпадение на 15%). Из этого перевода 1888 г. она заимствовала эпилог, в свое время практически полностью сочиненный переводчиками с целью порадовать французских читателей счастливым концом. В этом эпилоге,

насчитывающем восемь глав против трех у Достоевского, в камеру к осужденному за отцеубийство Дмитрию проникают Алеша вместе с Грушенькой; Алеша меняется с братом местами, а потом на суде успешно доказывает свою невиновность. Апофеозом служит внезапное исцеление пришедшей в зал суда девочки Лизы, демонстрирующее силу той благодности, которая исходит от Алеши. Один из эпизодов добавленного французскими переводчиками эпилога — проповедь уже умершего старца Зосимы о русском народе, любви, справедливости, свободе и сострадании, которую он произносит, явившись Алеше во сне, когда тот задремал в камере после обмена с Дмитрием, — французские переводчики не придумали сами, а переставили из середины романа в конец. В результате Анна Ван Гог-Каульбах, переводившая основной корпус романа по тексту Ж.-В. Бьенстока и Ш. Торкэ, перевела эти рассуждения дважды: и в 6-й книге, и в эпилоге.

Но что же было в произведениях Достоевского такого, что заставляло переводчиков, литературоведов и книгоиздателей рубежа веков вновь и вновь обращаться к этому непонятному русскому писателю, которого невозможно было преподнести европейцам в неадаптированном виде без риска отпугнуть читателей? Ответ на этот вопрос П. Булонь формулирует так: «В немецкой и французской литературе 80-х гг. Достоевский с его вниманием к социальной несправедливости и вдохновленной христианством любовью к ближнему воспринимался как важное дополнение, корректирующее репертуар собственной литературы, уже не удовлетворявшей современным требованиям. Поэтому за несколько лет, несмотря на возражения эстетического характера, он был включен в центр этих литературных систем. <...> Благодаря его бурному успеху в немецкой и французской литературах он попал в поле зрения нидерландских издателей и смог проникнуть в нидерландскую литературу» (с. 721).

Хотя П. Булонь и приходит к выводу, что увлечение Достоевским в Нидерландах и Фландрии носило более периферийный характер, чем в Германии и Франции, он описывает значение русского писателя для творчества таких важных нидерландскоязычных писате-

лей, как Л. ван Дейссел (1864—1952), С. Стрёмелс (1871—1969), Х. Валсхап (1898—1989), и оценку его произведений такими авторитетными нидерландскими литературными критиками, как К. Бюскен-Хюэт (1826—1886), Ян тен Бринк (1834—1901) и В. ван дер Мей (1842—1914), писавший, в частности, под псевдонимом Prawda-Matka. К этому добавим, что сегодня Достоевский остается одним из самых востребованных и переводимых русских авторов: в 2006 г. вышел четвертый по счету перевод «Братьев Карамазовых» на нидерландский язык, а в 2009 г. — новый перевод «Бесов».

Кроме того, автор выявляет ряд черт, характерных для переводческого дела на рубеже XIX—XX вв. в Европе. Это возникновение приблизительно в 1880-е гг. ранее невиданного потока переводов, вследствие чего в принимающей культуре переводная литература перемещается из периферии к центру; перевод через языки-посредники (французский, немецкий, английский); отсутствие стремления к точности перевода (сокращение описаний, философских и психологических пассажей); большое число анонимных рецензий в прессе; важная роль театра в росте популярности определенных иностранных авторов.

Читая «Укрощение скифа», слышишь как бы два голоса автора: голос объективного ученого-филолога и голос влюбленного в русскую литературу и художественно одаренного писателя, эмоционально вжившегося в изображаемых им персонажей, сумевшего подметить в каждом из них нечто уникальное и изложить свои наблюдения живым и афористичным языком.

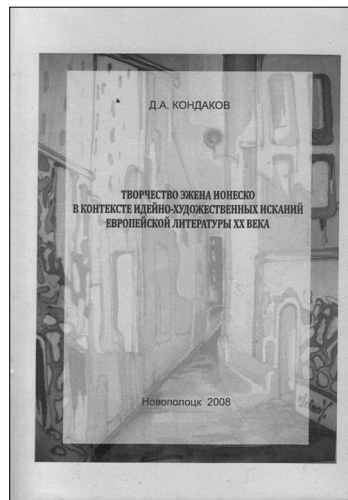
И.М. Михайлова

Кондаков Д.А. *ТВОРЧЕСТВО ЭЖЕНА ИОНЕСКО В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСКАНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА*. — Новолоцк: Полоцкий гос. ун-т, 2008. — 188 с. — 120 экз.

Татарина Л.Н. *ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ПАРАДИГМЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРОТЕСТАНТСКОЙ КУЛЬТУРЫ (Т.С. ЭЛИОТ, У. ФОЛКНЕР, Ф. КАФКА, А. КАМЮ, Д.Г. ЛО-*

УРЕНС, ДЖ. ДЖОЙС, Г. ГРИН И ДРУГИЕ). — Краснодар: Краснодарский гос. ун-т, 2010. — 216 с. — 100 экз.

В книге Д.А. Кондакова привлекает многосторонность охвата предмета исследования. Рассмотрение работ Ионеско начинается со сборника эссе «Нет», написанного еще по-румынски в 1934 г., поскольку основные темы Ионеско (фрагментарность бытия, невозможность его целостного восприятия, кризис описания мира средствами формальной логики, кризис языка как средства общения и т.д.) были заявлены уже тогда. В критических статьях румынского же периода началось отрицание Ионеско традиционной театральной эстетики. Основное, франкоязычное, творчество Ионеско Кондаков подразделяет на три периода. Первый сосредоточен в основном на проблемах языка и коммуникации. Второй посвящен исследованию абсурдных ситуаций. С ним же связано обретение Ионеско широкой известности, причем Кондаков отмечает определенные уступки традиции в произведениях этого периода. Третий — подведение итогов, аллюзии на собственные ранние произведения, обращение к другим жанрам (роман, киносценарий).

Очень тщательно исследуется литературный контекст Ионеско. Как предшественники (экспрессионизм, дадаизм, сюрреализм, А. Жарри, А. Арто, Ф. Кафка), так и современники (А. Камю, Ж.-П. Сартр, Б. Брехт, Г. Марсель,